

Список литературы

- 1 Каплан М.А. Основные жанры нанайского (гольдского) фольклора (Рукопись диссертации с приложением текстов). — Л., 1949. — С.46.
- 2 Долгих Б.О. Мифологические сказки и исторические предания нганасан. — М., 1976. — С.16.
- 3 Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — нач. XX вв. — М., 1954. — С.56.
- 4 Арутюнов С., Бронштейн М. Загадочные “крылатые предметы” // Знание — сила. — 1984. — N2. С.44-45.
- 5 Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки XVIII-XX вв. — Л., 1969. — С.195.
- 6 Амамич М.Н. Не провожайте с тоской улетающих птиц. — Магадан, 1977. — С.32.
- 7 Добровольский Б.М. Напевы сказания о Кодакчоне // Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. — М. — Л., 1966. — С.385.
- 8 Василевич Г.М. Указ. соч. — С.195.
- 9 Лебедев В.Д. Обрядовая поэзия эвенков // Полярная Звезда. — 1982. — N4. — С.121-123.

А.И.КУЗНЕЦОВА

НЕОБРАТИМОСТЬ РАЗРУШЕНИЯ ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА ТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПОВ (к вопросу о трансформации духовной культуры)

В последнее время много говорят о начавшемся возрождении духовной культуры народов Севера. Следует, однако, учесть, что восстановить ее в прежнем виде и в полном объеме трудно и едва ли в этом есть необходимость. В любую конкретную историческую эпоху сосуществуют различные поколения; разными поколениями (особенно максимально далекими по возрасту друг от друга) культура воспринимается обычно неодинаково: то, что признает, принимает одно поколение, отрицает, игнорирует другое (разумеется, для всех поколений обязательны некоторые общие, связующие их элементы культуры, например, язык). Естественно, что при попытках возродить старую культуру либо должна победить культура какого-либо определенного поколения (чего практически не случается никогда), либо должен получиться некий синтез, сплав различных мировоззрений, иными словами, должна произойти трансформация прежней культуры в новую. В процессе возникновения трансформированной культуры исчезающая духовная культура воссоздается тем лучше, чем прочнее преемственность между поколениями; если преемственность утрачена полностью, о восстановлении (хотя бы частичном) древней духовной культуры не может быть и речи.

Основным связующим звеном между поколениями является язык — главный компонент духовной культуры, утрата которого незамедлительно приводит к ее гибели. Другими существенными компонентами духовной культуры является литература (эквивалентом которой для бесписьменных и младописьменных языков выступает фольклор) и верования, обычаи, обряды. Все элементы духовной культуры народа находятся в тесной взаимосвязи, образуя корреляционный ряд “язык — фольклор — обычаи”. Исчезновение одного элемента неминуемо ведет к постепенной или одновременной утрате других элементов культуры. Так, вымирание языка становится причиной затухания фольклорной традиции, отражающей, в свою очередь, обычаи и верования народа, память о которых также слабеет и затем утрачивается совершенно. Если есть желание предотвратить гибель культуры, то необходимо прежде всего приложить усилия к сохранению языка.

Процесс разрушения культуры, начинающийся с разрушения языка, можно проследить на примере северных (тазовских и туруханских) селькупов, живущих в Заполярье, в бассейнах рек Таз и Турухан.

Численность северных селькупов по переписи 1989 г. — менее полутора тысяч человек при общей численности всех селькупов, включая южных, из Нарымского Приобья, 3612 чел. (из них в Российской Федерации проживает 3564 чел.). Забвение родного языка южными селькупам, которые уже в XVII-XIX вв. подверглись сильной тюркизации, а затем и русификации, зашло еще дальше, чем у северных (тазовско-туруханских) селькупов.

Селькупы не имели письменности до конца XIX в., но и первая попытка создать письменность для южных селькупов, предпринятая в 1879 г. Н.П. Григоровским, не принесла успеха. Последующие опыты создания письменности в 30-е гг. XX в. (графическая система

была построена Г.Н.Прокофьевым сначала на основе латинского, затем — на основе русского алфавита) также не привели к появлению устойчивой письменной традиции у тазовских селькупов, для которых этот алфавит разрабатывался: обучение на селькупском языке в начальных классах школы и издание книг (в основном учебников) на селькупском языке прекратилось в середине 50-х гг. нашего века. С 80-х гг. тазовские селькупы используют алфавит, ориентированный на раттовский говор тазовского диалекта, составленный на кириллической основе С.И.Ириковым.

Долгие годы (до 80-х гг.) дети жили в интернатах, обучение велось на русском языке. Естественно, что в настоящее время молодое поколение иногда совсем не знает родного языка, иногда владеет им чрезвычайно слабо. Среднее поколение знает язык несколько лучше, но нередко затрудняется в понимании иносказаний и архаических слов, употребляемых в сказках, рассказываемых редкими стариками-сказителями. Селькупский язык, превратившись в язык с узкой сферой применения в пределах дома (да и то далеко не всегда), подошел вплотную к грани исчезновения. Не случайно по переписи 1989 г. более 50% селькупов признали родным языком русский, а монолингвов, владеющих только селькупским языком, осталось всего 5%.

Впрочем, в самое последнее время ситуация у тазовских селькупов слегка изменилась: два дня в неделю бывает радиовещание на селькупском языке; в местной газете "Северный край" появилась страничка "Чаптя" ("Сказка"), к сожалению, пока на русском языке. С начала 80-гг. введено преподавание селькупского языка в качестве предмета изучения. Однако вариант возрождаемого языка, которому обучают детей, не равен языку старшего поколения: фонетика испытала воздействие со стороны русского языка, заметно влияние русского языка и в становлении синтаксиса сложноподчиненного предложения; много русских заимствований.

Младописьменные языки не имеют еще своей письменной литературы, все памятники устного народного творчества (сказки, песни в первую очередь) передаются изустно. Там, где народ поет, фольклорные произведения сохраняются лучше; у тазовских селькупов песенная народная традиция практически утрачена. Контаминация песни и рассказа, что типично для фольклора вообще и сравнительно недавно бытовало и у тазовских селькупов, в последние десятилетия утрачена, встречается чрезвычайно редко. По свидетельству Э.Е.Алексеева, "степень сохранности традиционной песенной культуры (чего не хватает селькупам. — А.К.) может служить показателем жизнеспособности этноса".

При плохом знании молодыми родного языка и фольклор утрачивает свою полноценность, значимость как в художественном, так и в содержательном смысле: оскудевает лексический запас рассказчиков, уменьшается число импровизаций, упрощаются сюжетные линии, исчезают многие жанры. Так, можно с грустью констатировать, что исчез жанр шаманских песен, которые легко можно было записать в 40-е гг. XX в. (это сделала Л.А.Варковицкая). В 70-е оказалось возможным записывать только рассказы о камлании или о соревнованиях шаманов. Песня и сказка, как наиболее распространенный в настоящее время у тазовских селькупов фольклорный жанр, превращается нередко в простой пересказ ее основного содержания, а не является художественным произведением, как в былые времена.

Рассмотрим в качестве примера сказку о том, как Ича (Ичакычика) женился (напоминающую мотив о царевне Несмеяне в русском фольклоре), записанную с интервалом в четыре года в Красноселькупе в 1973 г. от носителя языка среднего поколения Егора Петровича Безруких (1932 г. р.) и в 1977 г. от представительницы молодого поколения, дочери известного сказителя М.П.Киприна Вари Киприной (1963 г. р.). Обе сказки с переводом на русский язык опубликованы в учебном пособии "Селькупский язык: тексты и словарь. Тазовский диалект" (М., 1993, N 13, 14).

По длине тексты разные: в сказке N 13 — 173 слова, в N 14—143. Уменьшение произошло прежде всего за счет того, что рассказчица-школьница опускала повторы, типичные для фольклора, заменяя их предложениями типа "Когда Ичакычика приехал, рассказал, что с ним случилось. Ичакычика хорошо все сказал. Девушка очень смеялась". Сказочник среднего возраста повторял почти дословно все, что случилось с героем, от имени самого Ичакычика. Повторы в сказке N 13 два — помимо рассказа о происшедшем с Ичакычика дважды повторяется обещание ненца отдать замуж дочь за того, кто его рассмешит (кстати, в сказке, исполняемой Варей, претендент на руку дочери хозяина должен рассмешить дочь, а не отца).

Лексика в сравниваемых сказках различается не только количественно, но и качественно: в тексте Е.П.Безруких нет ни одного заимствования, в тексте Вари Киприной они есть (существительное *печь* и союз *и*, повторяемый неоднократно). В сказке N 13 богаче семантическое поле разных глаголов движения (7) и глаголов звучания (3), тогда как в сказке N 14 разных глаголов движения только 4, а глаголов звучания 2.

Натурализм, типичный для селькупского (да и не только для селькупского) фольклора, присутствует в сказке N 13, но отсутствует в стыдливом изложении девочки; Ичакычика рассмешил ненца рассказом о том, как он щуку поймал на озере: “У меня живот заболел. Внизу посреди озера большой камень стоит. Я туда еле добрался, на камень влез. Сел, а щука меня укусила”. В сказке N 14 вместо этого рассказа следующий текст: “В дороге увидел большой камень. На камень сел, его щука укусила”.

Снижается образность, исчезают сравнения в сказке N 14, которые (хотя и в ограниченном количестве) встречаются в тексте N 13. Так, в сказке, рассказанной Е.П.Безруких, есть сравнения: “Ненец сидит, будто замерз” (*mity qantāmpa*), т.е. не смеется; “Ненец навзначь упал (от смеха. — А.К.), свой чум чуть не перевернул” (буквально: ‘чуть на улицу не положил’ — *кураšša ronä rōtšyty*). Кроме того, при недостаточном владении языком, которое наблюдается у Вари Киприной, то и дело происходит путаница во временах и наклонениях. Молодые сплошь и рядом не понимают сказок, рассказываемых стариками и содержащих значительный слой архаической лексики.

Если мы со сказками, рассказанными сказителями среднего поколения, сравним сказки, записанные от старых сказочников, то увидим еще большее оскудение фольклорных текстов: обесцвечивается, беднеет фактура сказочного повествования — исчезают сравнения, метафоры, уменьшается количество синонимов, редкими становятся гиперболы и литоты, пропадают анафоры и эпифоры и т. д.

В сказках старых сказителей (например, Владимира Петровича Безруких, 1918-1977) четко улавливается ритмичность текста, исполняемого почти как речитатив, чему немало способствует перевес открытых слогов над закрытыми. Нарочитый повтор в начале предложения (анафора) создает ощутимую эмфазу (у молодых сказителей этого приема нет). Так, в сказке о восточном ветре (запись сделана в 1973 г. Л.Ю.Июффе в Красноселькупе) говорится:

Wərqy nälamty kuraltyty nomty
innä qəŋqontōqo nūn ijanyk.
Wərqy nälaty nomty innä qənna.
Nūn ijan mōtty tulyñña.
Nūn ijan əpti ilyqolamna.
Nūn ija sūryllä qənna qaryt.
Nūn ija imantynyk kətyŋyty...

‘Старшей дочери велел на небе (вверх) пойти к сыну Бога. Старшая дочь на небо вверх пошла. К чуму сына Бога пришла. С сыном Бога жить стала. Сын Бога охотиться пошел утром. Сын Бога своей жене сказал...’

Аналогично размеренно звучит начало сказки об Окылэ, записанной в 1973 г. в Красноселькупе Е.А.Хелимским от Андрея Ивановича Андреева (1925-1976):

Ukkyr qum ilymmnty. Ukkyr ijaty, ukkyr imaty, nəkыр äsäsyт. Təttak əpynty. Tətəty kocsy əppa, tətta. Qytym muntыk ampaty, təttym ampaty — ukkyr myqyn namanty ilympa. Nūny tołcysä sūryñña. Qaqlыsä äšša qaqlыtta, saŋak tołcysä sūryñña. ‘Один человек жил. Один сын у него, одна жена у него, трое вместе с отцом. Богатый (он) был. Оленей у него много было, богач. Мох весь (олени) съели, землю съели — на одном месте так (долго) жил. Потом на лыжах (он) охотится. На нарте не ездит, только на лыжах охотится’.

При сопоставлении двух упомянутых сказок об Ичакычика со сказками старых мастеров (“Сказка о востоке” и “Окылэ” значатся под N 1 и 2 в указанном сборнике текстов) видно, как изменилась традиция рассказывания сказок. Текст старых сказок — ритмизированный, насыщенный образами, богатый фразеологизмами, метафорами, лексически разнообразный, со всеми обычными приметам сказочного жанра, с фольклорными клише (здесь и трехкратные повторы, и заклинания, и испытания для героев и т.п.). Иногда встречаются элементы мифотворчества, как в сказке о восточном ветре (аналогичный сюжет о старухе-хозяйке восточного ветра, погубившей своего сына за дерзость и непослушание, есть и у лесных ненцев, а также в кетском и хантыйском фольклоре). Для сказочников молодого поколения характерен непритязательный пересказ простенькой сказки о том, как Ича женился, с бродячим сюжетом об условии рассмешить невесту (или ее отца), без образных оборотов, со скудным лексическим запасом, часто с грамматическими ошибками, как у Вари Киприной.

От сказок, записанных в Нижней Баихе в 40-е гг. Л.А.Варковицкой, и от единичных сказок 70-х гг., записанных в Красноселькупе от людей старшего поколения, исходит особая аура, чувствуется гармоническое целое повествования с окружающей средой.

В 40-е гг. от тринадцатилетнего мальчика можно было записать пять и более сказок в один (!) день (записи Л.А.Варковицкой от Гани Мантакова (1928 г.р.), сделанные в 1941 г. в Баихе), тогда как в 70-е гг. подростки этого возраста с трудом вспоминали одну-две сказки вообще. Конечно, необходимо иметь в виду и индивидуальные способности рассказчика, но в данном случае важнее другое — именно в 50-70-е гг. была прервана преемственность связи между детьми и родителями, между сказочниками и юными слушателями, поскольку дети стали учиться в интернатах, фактически в русскоязычной среде, т.к. обучение велось на русском языке.

Разительный контраст представляют собой сказки, рассказанные тринадцатилетним Ганей Мантаковым (1941 г.) и четырнадцатилетней Варей Киприной (1977 г.).

В сказке о лесной чертовке Ганя Мантаков использует удивительно красивые образы. Например, приходу женщины из леса предшествует приближающийся голос, трепыхание поджариваемого убитого соболя. Пришедшая ночью лесная женщина бросает сор, собранный с того места, где сидел герой, в огонь — огонь заговорил, запел голосами разных птичек. Женщина засмеялась — раздался звук “будто с сырой березы кору (бересту) сдирают” (ola mesirył kat qору nутqylelcinta; транскрипция Л.А.Варковицкой). Метаморфозы, как например, превращение соболя в женщину-лесовичку, лесовички — в простую женщину (не чертовку) и далее в собаку (причем, перед этим женщина иносказательно дала понять, что она собака, т.к. ест такую еду, которая “между пальцами вниз падает”, когда люди едят), типичные для старых селькупских сказок, как бы говорят о связи в мире всех вещей и явлений, о единстве природы, о взаимосвязанности всего в природе.

Постепенное забвение родного языка привело к неспособности молодых рассказчиков воспроизводить старые сказки (не говоря уже о шаманских песнях, мифах и других жанрах) с их буйной фантазией, с их достаточно сложным, образным, часто иносказательным языком, сказки, запечатлевшие многие элементы древних мифов, сохранившие слова, ушедшие из живого современного языка безвозвратно, отразившие многие детали старого быта, уже непонятного, порою чуждого молодым.

Сравнение приблизительно 30 сказок 40-х гг. и такого же количества сказок 70-х гг. у северных селькупов свидетельствует, к сожалению, о затухании фольклорной традиции у северных селькупов, о безвозвратном уходе, изменении прежней культуры, на смену которой пришла новая, “суррогатная” культура — смесь русских и селькупских сказок, новых обычаев, сильно изменившегося языка, испытавшего воздействие русского в результате интерференции на всех языковых уровнях — фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом. Восстановить полностью старую народную культуру уже невозможно, но воссоздать отдельные обычаи, традиции можно точно так же, как можно оживить в памяти народа его фольклор путем издания старых селькупских сказок (обязательно с лингвистическим комментарием и на селькупском языке).

Духовность нового молодого поколения принципиально иная, чем старшего и даже среднего поколения. Новое мировидение эпохи молодыми должно нести в себе черты этнической самобытности, но не обязательно должно быть повторением старой культуры, уже ушедшей из жизни молодых. Важно, чтобы народ осознал себя как этническое целое, сберег то, что еще уцелело от прежней культуры и при этом оказалось созвучным с современностью, и создал бы новую, трансформированную национальную культуру на базе старой культуры этноса.

А.С.ЛАРИОНОВА

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ СЕВЕРА НА ПРИМЕРЕ ЯКУТСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА

Вопросы взаимовлияния культур разных народов, и в том числе изучение фольклора, особенно актуальны в наше время, когда идет активный процесс возрождения самосознания малочисленных народов России. Этой проблеме посвящены работы многих исследователей из различных стран, которые находят общие черты не только у народов, соседствующих на протяжении веков, но и живущих отдаленно друг от друга. Народы, населяющие Якутию, — эвенки, эвены, юагиры, якуты, исторически прожили рядом века и, несомненно, что шел процесс взаимовлияния различных сторон культурной жизни, в том числе и в музыке. Проблему взаимовлияния северных культур впервые затронул в конце XIX в. В.Л.Серошевский. В 60-е гг. XX в. Г.Григорян непосредственно указывает на взаимосвязь музыки эвенов и якутов: